

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

### РЕЛИГИЯ

*Культ императоров. Религиозный синкретизм. Плутарх и неоплатонизм. Происхождение и эволюция христианства.*

Две черты отличают религию императорского Рима: господствующее значение, которое приобретает культ императоров, и слияние различных верований и культов — религиозный синкретизм.

По выражению христианского писателя Тертуллиана (ум. ок. 230 г.), «язычники» скорее нарушили бы клятву всеми богами, чем клятву гением императора. Каждая провинция имела свои местные культы, но императору должны были одинаково поклоняться все народы. Культам предоставлялась свобода при условии, чтобы императорам воздавалась должная честь. Гонения на еврейскую и христианскую религии объясняются в значительной мере тем, что евреи и христиане отказывались идти на такой компромисс с «языческой» государственной религией.

Римский культ императоров имеет восточно-эллинистические корни. Уже в эллинистических монархиях монархи всячески распространяли и поддерживали легенды о своем божественном происхождении. В Риме это делалось исподволь. Сначала императоров объявляли божественными лишь после их смерти. В Италии Август дозволил при своей жизни поклоняться своему гению (духу-покровителю). На Востоке, где почва была более подготовлена восточно-эллинистическими традициями, культ самого Августа был, по требованию императора, соединен с культом богини Ромы (т. е. богини города Рима).

Август поддерживал и оживлял старинные, полузабытые религиозные обряды, чтобы через посредство старинных культов получал распространение культ императора. Так, с почитанием богини Дии Август связал принесение обетов и жертв о благоденствии императора. С одним из наиболее древних культов, с культом домашних богов — ларов, Август соединил культ своего гения. В Риме на перекрестках были построены многочисленные святилища ларам, в результате чего домашний культ, сохранявшийся в виде пережитка родового строя, снова ожил и приобрел характер общественного. Он служил одним из средств укрепить власть принцепса.

Некоторые императоры доходили до последних пределов самообожествления. Калигула разделил храм Кастора и Поллукса на римском Форуме и между статуями сделал проход, по которому можно было бы ходить на Палатин, к императорскому дворцу, чтобы, как он говорил, Кастор и Поллукс служили ему в качестве привратников. Диоклетиан

уже стал требовать обязательного божеского поклонения себе по восточному образцу. Император стал «богом во плоти».

Культ императоров выражал стремление создать мировую религию, которая объединила бы всех подданных Римской империи. Но «императорскими декретами нельзя создать новую всемирную религию»<sup>1</sup>. В народных массах получали распространение совершенно иные религиозные течения, имевшие очень часто оппозиционную окраску.

Пестрый этнический состав населения Империи, торговые и культурные связи Рима с Востоком приводили к проникновению в официальную римскую религию восточных культов, превращая эту религию в синкретическую. Это сказалось прежде всего на представлении римлян о своих богах. Римского Юпитера они отождествили с восточным Ваалом, египетского Сераписа сближали с Аполлоном, Эскулапом, Плутоном и богом Солнца. В ранее проникших на римскую почву восточных культах (Великой Матери богов, Беллоны) усилились фанатически жестокие кровавые черты (самоистязание, самооскопление). Широкое распространение получил в Италии культ египетской богини Исиды, олицетворявший плодородные силы природы, повелительницы моря, хранительницы купцов и моряков. В III в. с чрезвычайной быстротой распространился по всей Империи культ иранского бога Митры, бога-избавителя. Мистерии Митры совершались в маленьких, часто подземных пещерообразных часовнях; участники образовали нечто вроде тайного общества. Посвящаемый проходил ряд степеней — «воина», «ворона», «льва» и т. д. Очистительный смысл придавался омовениям кровью быка или барана. Подвергавшийся очищению спускался в яму, сверху закрывавшуюся досками; сквозь них потоками лилась кровь убиваемого животного.

Отдельные императоры поддерживали то культ Исиды, то Сераписа, то Ваала-Юпитера, но подчинить своим целям процесс религиозного синкретизма было не в их власти. Этот процесс захватывал самые широкие и самые разнообразные круги римского общества сверху донизу и, разумеется, в разных социальных слоях общества приобретал разную окраску. Следует заметить, что в императорский период жреческие должности в Риме оставались уделом знати. Служителями же восточных культов были люди всякого положения. Народным низам эти восточные культы давали то, чего не могла дать государственная религия: веру в чудесное избавление от невыносимых тягот окружающей жизни и, прежде всего, от гнета римского государства.

В социальных верхах интерес к сближению и сопоставлению культов носил внешне отвлеченный, философский характер, но по существу определялся совершенно ясной политической задачей — оправдать и укрепить «религию отцов» с новой, космополитической точки зрения. Интерес философа Плутарха (ок. 46 — 120 гг. н. э.) к «сравнительной религии» объясняется именно этим. Наступила пора, когда люди столкнулись с пестрым множеством верований и суеверий. Оставалось сделать два вывода: либо что все религии — обман, либо что все религии истинны. Эту вторую точку зрения и пытался обосновать представитель упадочного язычества Плутарх. Он стремился внести обобщения в стихийный процесс синкретизма, препарировать верования различных народов так, чтобы они оказались выражением одних и тех же философских идей. Отсюда неизбежно вытекало аллегорическое толкование мифов. Античные боги превратились в олицетворения отвлеченных понятий: единства, множества, ума, первоматерии и т. д. Чувственно-осознательная, художественная сторона мифа была убита. Произошла искусная подмена народных верований аристократическими утонченностями идеалистической философии.

<sup>1</sup> *Энгельс, Людвиг Фейербах, Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 674.*

В такой атмосфере создался в III в. *неоплатонизм*, последнее большое философское направление древности. В александрийской школе неоплатонизма, отчасти у Плотина (ум. в 270 г.), но в особенности у его ученика Порфирия, уже заметно стремление показать «высший философский смысл» мифов и народных верований. Еще более явным сближение с «положительными», исторически сложившимися религиями становится в IV—V вв. в сирийской школе Ямвлиха и в афинской школе Прокла. Безуспешная попытка реставрировать умирающее язычество, сделанная во второй половине IV в. императором Юлианом, идейно опиралась на философию неоплатонизма.

Философский синкретизм не мог стать религией масс. Он остался уделом «избранных», аристократического, реакционного меньшинства. В борьбе различных религиозных течений победителем вышел один из наиболее демократических в то время видов религиозного синкретизма — *христианство*, возникшее из «смеси обобщенного восточного, в особенности еврейского, богословия и вульгаризированной греческой, в особенности стоической, философии»<sup>1</sup>.

Основным, восточно-иудейским, элементом христианства явилась вера в пришествие избавителя-Мессии — мессианизм. Начало мессианизма восходит к VI в. до н. э., ко времени взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором. К этому времени относится и начало рассеяния евреев по странам Средиземноморья, так называемая диаспора. В разных социальных слоях и в разных исторических условиях мессианизм принимал позже разные формы. Но всегда его отличала вера в торжество возрожденного Израиля, восстановление Иерусалима, воздаяние каждому по его заслугам. Мессианизм палестинский в I—II вв. н. э., в период восстания против римского владычества, носил по преимуществу политический характер: вожди восставших объявлялись мессиями, царями иудейскими. Таким Мессией был, например, Бар-Кохба во II в. н. э. В то же время богатые раввины, напуганные далеко идущими требованиями революционеров, пошли на предательство своего народа, на сделку с Римом, и после так называемой иудейской войны (66—70 гг. н. э.) объявили Мессией римского императора.

Среди еврейства диаспоры в Малой Азии, Месопотамии, Египте и Северной Африке задолго до иудейских восстаний I—II вв. жило чаяние Мессии, который мог бы избавить страдающих от всех зол и несчастий. Разгром восстания против римлян не давал никаких надежд на близкий приход такого избавителя. Уныние, идейный разброд, проповедь «ухода от политики», открытое ренегатство (например, ренегатство Иосифа Флавия — еврейского ученого и историка) — все это содействовало развитию мистики и других реакционных религиозно-философских течений среди эмигрантов. Начались поиски какой-то обобщающей, космополитической религиозной системы. Политические моменты отступили на второй план по сравнению с моментами морально-философскими. Тогда-то произошло слияние иудейских элементов мессианизма с греческой философией стоиков. Типичным представителем такого эллинизированного иудаизма был уже Филон Александрийский (I в. до н. э.—начало I в. н. э.). В его философии, являющейся результатом стоического влияния, сильны морально-индивидуалистические мотивы: требование личного совершенствования, умерщвления плоти, борьбы со страстями, отрицание внешней обрядности. Место Мессии заступает Логос («Слово», или «Разум») — сверхъестественный посредник между богом и людьми, источник внутреннего очищения. Новое религиозно-философское течение не встретило симпатии среди римских правящих кругов. Адептами этих верований были евреи-

<sup>1</sup> *Энгельс, Людвиг Фейербах, Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 674.*

эмигранты и греки, т. е. иностранцы, а римское государство в эпоху Империи подозрительно относилось ко всяким объединениям, состоявшим не из римских граждан. В результате новое религиозно-философское течение с самого начала стало развиваться как течение оппозиционное, а после первых же преследований римских властей — враждебное римскому государству. Новое религиозное движение стало центром притяжения всех недовольных политикой Империи. Оно организационно оформилось, впитало в себя представителей всех неполноправных категорий римского общества (провинциалов, рабов, вольноотпущенников) и положило начало христианству как религии, политическому движению и философской системе.

В одной из наиболее ранних христианских книг, «Апокалипсисе» (Откровении), элементы ветхозаветного мессианизма еще чрезвычайно сильны. Автор пользуется образами ветхозаветных пророков, дословно повторяет отдельные тексты из их книг. Содержание Апокалипсиса — таинственные видения, в которых должны открыться «последние судьбы мира». Книга была написана вскоре после первого большого преследования христиан при Нероне и иудейской войны 66 — 70 гг. Царство зла, царство Антихриста (противника Христа) должно погибнуть. Риму, «прелюбодейной вавилонской блуднице», противостоит церковь — сходящий с неба Новый Иерусалим, стены которого сверкают драгоценными камнями. Бог отрет слезу праведников, нечестивцы погибнут в огненном озере, настанет царство кроткого Агнца-Христа.

Чтобы стать интернациональной религией, христианство должно было отказаться от исключительности ветхозаветного мессианства: пришествие Мессии-Христа должно было принести избавление *всем* народам. Созрела эта мысль не сразу. Уже на первых порах развития христианства разгорелся спор о том, имеют ли преимущества христиане из иудеев перед христианами из язычников. Космополитизму благоприятствовали философские учения стоиков; однако не в форме философской системы, а в форме новой религии должны были распространяться новые идеи, если им суждено было найти отклик в самых отдаленных уголках Римской империи.

На первых порах приверженцами христианства, кроме иностранцев, были разорившиеся свободные люди, рабы и вольноотпущенники (часто очень богатые) в городах, рабы в латифундиях, разорившиеся крестьяне в селах. Из этих слоев пополнялась вначале основная масса христиан. Но чем шире распространялось христианство, тем разнообразнее были общественные слои, которые оно захватывало. В христианских организациях до поры до времени уживались эксплуатируемые и эксплуататоры, богатые и бедные. Объединяло их не всегда ясно осознававшееся чувство общности интересов в отношении к римскому государству и римской официальной религии. Никакой общности имущества в христианских общинах не было, но существовала, вероятно, общая касса, составлявшаяся из взносов и пожертвований. Касса эта расходовалась на общие трапезы в дни праздников и погребений и на выдачи пособий нуждающимся членам общины.

Во главе христианских общин стояли епископы и диаконы. Они ведали имуществом общин, разбирали конфликты среди верующих, представляли перед римской администрацией. Последняя функция требовала от ее носителей не только большого такта и осторожности, но и определенного общественного положения, веса и авторитета. Вот почему руководителями общин стали все чаще выбирать людей энергичных, умных и, главное, — богатых. Значение клира, т. е. руководства общин, возрастало по мере организационного роста этих общин. Тем самым укреплялась самая зажиточная, наиболее материально обеспеченная и



Митра, убивающий быка. Барельеф

отнюдь не революционная прослойка христианских общин.

Здесь, в этой социальной прослойке, и зародилась идея компромисса с государственной властью.

Для того чтобы обеспечить победу сторонникам компромисса, христианству нужно было, во-первых, отказаться от противопоставления «царства Христова» царству Рима», как «царства Агнца» — царству «блудницы вавилонской». Характерным для раннего христианства являлся *хилиазм*, ожидание близкого мирового

переворота, полного обновления вселенной, которое произведут высшие, сверхчеловеческие силы<sup>1</sup>. Римское государство не могло без подозрения относиться к этой мечтательной революционности, даже к такому безвольно смиренному ожиданию новой эры. Если христианство хотело пойти на уступки, оно должно было отменить хилиастические чаяния. И действительно, уже во II в. церковь, отбрасывая апокалиптические надежды, стала молиться об «отдалении конца». Во II в. на сторону христианства начали переходить в большом количестве зажиточные городские слои, испытывавшие экономический и политический гнет установившегося режима, но далекие от того радикализма, который отличал чаяния и надежды народных низов. Представители этих слоев были бы непрочь договориться с императорской властью, размежевав сферы влияния. Многие христианские писатели этого времени, так называемые *апологеты* (Иустин-философ и др.), стремятся нащупать пути возможного соглашения в своих апологиях, т. е. сочинениях, написанных в защиту христианства (*apologia*, «защита», «защитная речь»).

Во-вторых, для того чтобы расширить круг своих приверженцев, нужно было отказаться от мысли, что церковь ограничивается немногими избранниками или праведниками. Нельзя было от каждого рядового христианина требовать аскетизма, «умерщвления плоти», как того требовали крайние христианские секты. Нельзя было думать, что церковь ограничивается избранниками, получившими «дар озарения», «избранными сосудами божественного откровения», «благодати». Нужно было также отказаться и от духовного аристократизма гностиков, для которых условием «спасения» было «высшее познание» (гносис), не доступное людям «толпы»<sup>2</sup>.

Итак, основной задачей было — сгладить в раннем христианстве все резкое, протестующее и отказаться от аристократической исключительности сект, замыкавших религию в пределы личного совершенствования. Огромную роль в этом перерождении христианства сыграл клир, т. е. церковная администрация.

<sup>1</sup> Слово хилиазм происходит от греческого *chilioi*, «тысяча». Хилиасты ждали наступления тысячелетнего царства христова на земле, вслед за чем должен был наступить конец мира.

<sup>2</sup> Гностицизм — один из видов восточного религиозно-философского синкретизма, представлявший собою своеобразное сочетание элементов христианских и языческих,



В конце III в. многие епископы, например, александрийские, были банкирами и вели широкие финансово-торговые операции. В 305 г. Эльвирский собор запретил епископам, пресвитерам и диаконам покидать свой округ по торговым делам. «А если хотят торговать, — говорилось в постановлении, — пусть торгуют в пределах провинции». Наличие такого запрета показывает, что христианское духовенство не только занималось торговыми делами, но что их торговля имела широкий размах. Руководители христианских общин в начале IV в. открыто нащупывали пути сближения с государственной властью. Противник христианства, греческий философ Порфирий, чувствовал социальную разнородность составных элементов христианства, когда говорил, что выступления против богатства не от Христа, а «от наших бедняков, желавших путем такой болтовни отнять имущество богатых». Из этих слов «стороннего наблюдателя» видно, кто задавал тон в христианских общинах IV в. н. э. и кто являлся официальным истолкователем христианского учения. Ту же разнородность нетрудно было уловить и в евангелиях, рассказах о жизни и учении Христа. Из большого количества обращавшихся в среде христиан евангелий (в дословном переводе с греческого: «благостей») церковь впоследствии признала каноническими, т. е. «бог вдохновенными», только четыре: евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Церковные толкователи много усилий потратили на согласование этих евангелий друг с другом. Но, не говоря о фактических разногласиях, ясно видно, что все они возникли в различных слоях христианского общества. В евангелии от Матфея сильны черты ветхозаветного мессианизма; автор изображает Христа, как Мессию, о котором писали ветхозаветные пророки. Очевидно, что он обращается прежде всего к мессианистам-иудеям. Автор евангелия от Иоанна говорит о Христе, как о божественном Слове-Логосе, его книга полна философских и богословских мотивов. Он рассчитывает на интеллигентов того времени, на читателей, начитанных в александрийской философии. Автор евангелия от Марка старается выдержать стиль безыскусственного биографического повествования. По сравнению с другими евангелиями в нем более сказались демократические мотивы раннего христианства (притча о бедном и Лазаре), и рассчитано это евангелие было, очевидно, на народные низы. Евангелие от Луки говорит на языке тех образов, которые наиболее близки и понятны торгово-ростовщическим кругам древнего общества (мины, таланты, драгоценные камни и пр.). Круг же идей этого евангелия (в особенности притча о талантах) антидемократичен, враждебен всякой идее социального равенства и социальной справедливости. В притче о талантах раб, получивший от своего господина пять талантов, отдавший их в рост и путем ростовщических операций превративший их в десять, удостоивается похвалы, у раба же, зарывшего один талант в землю, чтобы его сохранить, господин велит отнять его и отдать тому, кто приобрел десять, а самого раба бросить в темницу.

Тот факт, что церковь в конце концов пришла к принятию именно этих четырех разнохарактерных евангелий, приобретает на фоне всего сказанного ясное значение: нужно было приноровиться к интересам и понятиям всех социальных прослоек христианских общин и удержать эти прослойки в составе единой политической организации — церкви.

К началу IV в. христианская церковь превратилась в мощную организацию, разветвляющуюся по всей Империи. Прямой выгодой для Империи было использовать эту организацию, сильную экономически и пользовавшуюся, благодаря своей искусной демагогии, большим влиянием в массах. В 313 г. императором Константином был обнародован Миланский эдикт, по которому христианская религия была уравнена в правах с языческой. Через 12 лет, в 325 г., в Никее, по почину того же императора

Константина, состоялся первый «вселенский» собор, на котором присутствовали епископы всех провинций. Здесь был выработан так называемый никейский символ веры, который лег в основу дальнейшей борьбы с инакомыслящими еретиками.

«Обращение» Константина было не внезапным чудом, которое произошло при «видении креста» на небе, как о том рассказывали христианские церковные историки. Оно казалось исторической неизбежностью. Переродившееся христианство пришло на смену старой государственной религии понтификов и культу императоров. Как и они, оно стало в новых исторических условиях орудием государственной власти.

